

УДК 343.221

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ
ПО АРТИКУЛУ ВОИНСКОМУ 1715 г.
И УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ
И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 г.**

Ю. С. Караваева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Поступила в редакцию 9 августа 2018 г.

Аннотация: одной из функций института специального субъекта преступления является функция дифференциации уголовной ответственности. Анализ памятников отечественного законодательства периодов абсолютизма и неабсолютизма показывает, что за преступления, совершенные с использованием субъектом своего статусно-ролевого положения, законодатель устанавливает наиболее суровые меры ответственности имущественного и телесного характера.

Ключевые слова: специальный субъект преступления, дифференциация уголовной ответственности, статусно-ролевое положение, сословный подход.

Abstract: one of the functions of the Institute of special subject of crime is the function of differentiation of criminal liability. The analysis of the monuments of the domestic legislation of the period of absolutism and neoabsolutism shows that the legislator establishes the most severe measures of liability of property and physical nature for the crimes committed with the use of the subject of his status-role position.

Key words: special subject of crime, differentiation of criminal liability, status-role position, class approach.

Введение термина «специальный субъект преступления» связывается с именем советского ученого-правоведа В. С. Орлова, работавшего в 50-е гг. XX в.¹ Вместе с тем анализ отечественного законодательства в части установления уголовной ответственности показывает, что, начиная с Русской Правды, выделяются категории лиц, совершающих деяния с использованием своего социального статуса и (или) роли. При этом в исторической ретроспективе статусно-ролевое положение субъекта имело значение для дифференциации уголовной ответственности, что, прежде всего, следует связывать с особенностями продолжающихся процессов становления, централизации и дальнейшего развития российской государственности. Так, если для законодательства Древней Руси характерно установление привилегированного уголовно-правового положения для тех категорий населения, которые обладали властными и экономическими ресурсами, то уже в рамках следующего исторического периода

¹ См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 138.

Московского государства (XIV–XVII вв.)² относительно этих же категорий предусматриваются более суровые меры³.

Указанное положение практически не изменилось в период становления абсолютизма, когда основным законом Российской империи становится Артикул Воинский 1715 г. Действующий наряду с Соборным уложением 1649 г., Артикул предназначался для регламентации вопросов военно-уголовной юрисдикции. Однако на практике он применялся не только в военных, но и в общих судах, что дает право рассматривать его в качестве общегосударственного уголовно-правового закона. Помимо Артикула Воинского действовало значительно число других уголовно-правовых актов⁴.

Как отмечал Н. С. Таганцев, «беспрестанно являлись указы, устанавливавшие наказания случайные, ad hoc, нередко противоречивые и по отношению к Уложению, и между собой; в судебную практику вносились хаос и безурядица»⁵.

Обстановка, в которой принимался Артикул, – это обстановка преобразований традиционной, самодостаточной России в прогрессивную, лучшую среди равных, европейскую державу. Задача не ограничивалась модернизацией, она предполагала слом прежних ценностей, отношений, общественного сознания в целом. Иначе, как абсолютной непримиримостью власти с фактами неповиновения и карательным максимализмом, такая задача выполнена быть не могла. Все это позволило А. Ф. Бернеру подытожить петровское законотворчество следующим образом: «...главное внимание законодательства централизуется на действиях, самих по себе вовсе не преступных... идея преступления в эпоху Петра была не правонарушение, не безнравственность поступка, а просто – неискренность в делах государевых»⁶.

Отсюда казуистическое закрепление в Артикуле всех возможных нарушений воинской дисциплины и других нарушений военной службы. Как и прежде, целями наказания были устрашение, возмездие (кара), предупреждение преступлений. Современные исследователи называют

² Использована периодизация, предложенная Т. В. Непомнящей (см.: *Непомнящая Т. В.* Мера уголовного наказания. М., 2012. С. 46–154).

³ См.: *Караваева Ю. С.* Статусно-ролевое положение преступника и потерпевшего как критерий дифференциации уголовной ответственности по законодательству Древней Руси // История государства и права. 2018. № 6. С. 48–53 ; *Ее же.* Учет статусно-ролевого положения субъекта преступления в целях дифференциации уголовной ответственности по законодательству Московского государства (XIV–XVII вв.) // Вестник Удмуртского гос. ун-та. Серия: Экономика и право. 2018. № 4.

⁴ П. С. Ромашкин в своем исследовании говорит о 392 таких указах (см.: *Ромашкин П. С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16).

⁵ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. С. 146.

⁶ *Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная : в 2 т. СПб., 1865. Т. 1 : Часть Общая. С. 235, 242.

также цель выгодного использования преступников⁷. На наш взгляд, правильнее согласиться вслед за Н. С. Таганцевым с тем, что при Петре I эта цель лишь начала проникать в институт наказания. Анализ санкций Артикула Воинского приводит к заключению о том, что смертная казнь, телесные и членовредительские наказания, а также специальные его виды предусмотрены в большинстве статей Артикула, тогда как ссылка на каторгу или на галеры встречалась гораздо реже.

Достаточно часто наряду с карательно-устрашающим потенциалом наказания законодатель обращался к принудительному воздействию на честь и совесть преступника. В этих случаях санкция предусматривала позорящие наказания, перечень которых был расширен за счет шельмования, лишения чести, удара профоса (палача), публичного испрашивания отпущения вины. Специальные виды наказаний предусматривали, помимо традиционных видов, лишение чина, обращение в рядовые, удержание жалованья. Более активно стала применяться ссылка на галеры или каторгу; лишение свободы было ужесточено за счет заковывания в железо. Телесные наказания дополнились наказанием шпицрутенами.

Среди санкций Артикула – абсолютно-определенные, абсолютно-неопределенные и относительно-определенные, а также альтернативные и кумулятивные. Налицо все большее проникновение начал индивидуализации наказания, когда подлежат учету обстоятельства дела и вина преступника.

Дифференцированный подход к законодательному определению меры уголовного наказания выражается в виде различной тяжести санкций за одни и те же преступления офицеров и рядовых.

Вместе с тем жестокость наказаний по законодательству Петра I не привела к более или менее заметному приближению российского общества к идеалам законности и правопорядка. Так, аналитика прошлых веков содержит следующий вывод: «Начиная съ Петра I, наказания правителей усилились: ихъ ссылали въ каторгу, имъ вырывали ноздри, ихъ били кнутомъ, имъ рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что давнымъ-давно уже проникло до мозга и костей этого развращеннаго общества. Взятничество и после Петровской реформы осталось таким же, каким было и до нея»⁸.

Анализ данных положений Артикула Воинского 1715 г. показывает, что ввиду специфики военно-уголовных отношений, регулированием которых изначально ограничивалось действие этого закона, и субъекты, и их деяния, и меры уголовно-правового воздействия на них являлись специальными. Посредством устрашения предполагалось решить задачу воспитания дисциплинированности и исполнительности военнослужащих. Вследствие этого наблюдалась несоразмерность законодатель-

⁷ См., например: *Непомнящая Т. В.* Указ. соч. С. 78.

⁸ *Серафимовичъ С.* Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири // Отечественныя записки. 1867. № 11, отд. I. С. 243–244. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/s-serafimovich-ocherki-russkih-nravov-v-starinnoy-cibiri>

ной меры наказания совершенному преступлению: виновный подлежит уничтожению без права исправления. Дифференциация наказаний выражается в более частом назначении членовредительских и телесных его видов рядовым, и позорящих видов – офицерам. С учетом того, что в военное время жизнь обесценивается в пользу чести мундира, эффективность позорящих наказаний высока.

Лишение чина или чести, обращение в рядовые, отставление от службы, публичное испрашивание отпущения вины выражали снисходительность власти, унижающую преступника, и одновременно презюмировали его немужественность, несостоятельность как воина и служителя Отечеству и монарху.

Относительно всех видов наказаний, предусмотренных санкциями норм с составами деяний со специальным субъектом, следует отметить, что их процентное повидовое соотношение будет следующим⁹: смертная казнь – 56 %; телесные и членовредительские наказания – 27; неопределенные наказания – 24; позорящие наказания – 21; особые (служебные) наказания – 15; наказания имущественного характера – 10; наказания, связанные с изоляцией от общества – 7; ссылка на галеры или на каторгу – 3 % (рис. 1).

Рис. 1. Уголовные наказания за преступления со специальным субъектом по Артикулу Воинскому 1715 г.

На протяжении всего XVIII в. можно было наблюдать противоречивые тенденции в уголовном праве и уголовной политике государства: с одной стороны, народные возмущения и гражданская война 1770-х гг. под предводительством Емельяна Пугачева «вызывали преимущественное внимание правительства к карательно-правоохранительному и мест-

⁹ Поскольку среди уголовно-правовых санкций за указанные виды преступлений имеются альтернативные и кумулятивные, то сумма показателей не может быть равной 100 %.

ному административному аппарату государства»¹⁰, а с другой – в общественно-политическую мысль России проникают гуманистические идеи европейского Просвещения, влияние которых выражается, в частности, в организации деятельности по кодификации уголовного закона и составлении Екатериной II текста Наказа Уложенной комиссии 1767 г.

Пагубное влияние гуманистических идей на сами основы абсолютизма осознаются российским правительством на примере западно-европейских государств, поддавшихся освободительным движениям и революциям. Несмотря на это, дальнейшее развитие русского уголовного права идет по пути постепенной гуманизации основных институтов. Указанные процессы не могли не отразиться на содержании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ставшего венцом многолетней кодификационной деятельности.

Сам нормативный правовой акт получил невысокие оценки в современных ему и более поздних исследованиях. Так, Н. Д. Сергеевский отмечал, что насущные потребности русской правовой жизни остались неудовлетворенными, а сам закон оказался неполным, не соответствующим структуре юридического быта и «...устарелым уже в самый момент своего появления»¹¹. Н. С. Таганцев, признавая также устарелый характер Уложения, обращал внимание на такие его существенные недостатки, как казуистичность и проистекающую отсюда многостатейность закона, отсутствие юридической техники, противоречивость отдельных положений друг другу, механическое включение норм иностранного права¹². Отсутствие системности и единства подчеркивал и А. Ф. Бернер¹³.

Из анализа положений закона следует, что основную массу преступных деяний составляют различные формы неповиновения писаным правилам, содержавшимся в различных постановлениях и уставах. Иными словами, сущность преступления как нарушения самодержавной воли осталась в неизменном виде с Соборного уложения 1649 г. Вместе с тем парадокс законности в России заключался в том, что при подавляющем числе положений, посвященных регулированию гражданской службы и частным ее родам, заключенных по должностным преступлениям и преступлениям, связанным с торговым оборотом, было очень незначительное количество: «...тюрьма почти не знала заключенных по преступлениям привилегированных классов»¹⁴.

Это можно было бы объяснить развернутой «лестницей» наказаний, установленной Уложением 1845 г.: различая наказания уголовные и

¹⁰ Сизиков М. И. История государства и права России с конца XVIII до начала XIX века : учеб. пособие. М., 1998. С. 109.

¹¹ Сергеевский Н. Д. Современные задачи уголовного законодательства в России // Избранные труды / отв. ред. и авт. биогр. очерка А. И. Чучаев. М., 2008. С. 483.

¹² См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 165–167.

¹³ См.: Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 274.

¹⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1960. Т. 1 : 1762–1825. С. 368.

исправительные, а также устанавливая особые наказания за преступления и проступки по службе, Уложение содержало такие их виды, как: связанные с изоляцией от общества, телесные, имущественные и позорящие наказания. Кроме того, подлежали применению наказания, касавшиеся принудительного привлечения к «государевым» работам, а также смертной казни.

Законодательная градация наказаний по Уложению 1845 г., несомненно, представляла собой шаг вперед по сравнению с прежними уголовными законами, в которых вообще отсутствовали нормы Общей части.

Бесспорными достижениями закона признаются высокая степень формализации процесса назначения наказания, что приводило к тому, что «вид и размер наказания во многом зависели от законодателя»¹⁵, а также закрепление начал дифференциации и индивидуализации наказания. Так, если ранее законодательная мера уголовного наказания определялась только социальным положением субъекта преступления, то теперь основания дифференциации были дополнены характером наступивших последствий, общественной опасностью преступления в целом. В связи с этим некоторые исследователи видят ценность Уложения 1845 г. уже в том, что «впервые в российской законотворческой практике была осуществлена градация ответственности, устанавливались и типизировались различные степени общественной опасности деяний, которые влекли изменение (повышение или понижение) уголовной ответственности»¹⁶.

Акцент в целях наказания сместился в сторону предупреждения и выгодного использования преступника для решения общегосударственных задач – освоения отдаленных территорий Империи, тяжелой работы на рудниках, заводах и в крепостях. Сохраняются элементы возмездия и устрашения, прежде всего в публичности телесных наказаний и клеймении каторжников.

Уголовно-правовые санкции рассматриваемого закона являлись либо абсолютно-определенными, либо относительно-неопределенными. Характерная черта закона – отсылочный характер многих санкций.

Особые наказания, связанные со службой или деятельностью субъекта, уже в большей степени направлены на предупреждение новых преступлений, хотя цель умаления чести и достоинства по-прежнему учитывалась законодателем. Анализ положений закона показывает, что наказания из данной группы предусматривались почти за каждое служебное преступление.

Содержание Особой части Уложения производит впечатление усилившейся борьбы с должностными, профессиональными и торговыми преступлениями. Однако сословный характер наказания проявлялся в законодательном ограничении применения его телесных видов к лицам,

¹⁵ *Непомнящая Т. В.* Указ. соч. С. 101.

¹⁶ См., например: *Дудырев Ф.* Дифференциация уголовной ответственности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Уголовное право. 2009. № 4. С. 21–24.

изъятим от указанных наказаний, – этот перечень включал представителей высшего дворянского сословия.

Не менее дифференцированным был подход правоприменителя к назначению наказаний. Так, сословный состав осужденных общими судами за период 1889–1893 гг. выглядел следующим образом: дворяне – 2,0 %; духовенство – 0,2; купцы – 0,5; крестьяне – 71,5; мещане – 19,2; бродяги – 2,9; прочие – 3,1 %¹⁷. Обращает внимание незначительная доля представителей высшего сословия, при том что должностные, политические преступления, а также преступления против порядка управления совершались в основном дворянами, купцами. Более того, как отмечает С. С. Остроумов, «самые грязные преступления – растление малолетних, кровосмешение, скотоложество и прочие – были преимущественно распространены среди привилегированных сословий и особенно духовенства»¹⁸.

Незначительное число привилегированных лиц среди осужденных объясняется, по мнению этого же автора, тем, что «наибольший процент оправдания приходится на дворян и купцов... имущественное положение купечества при чрезвычайно развитом взяточничестве судей спасало их от осуждения даже больше, чем дворян их родовитость»¹⁹.

Как и все Уложение в целом, система наказаний имеет громоздкий вид. Вместе с тем она являет собой основательность подхода законодателя к ранжированию видов наказаний – по специальным целям (уголовные и исправительные) и по тяжести отдельных видов. Указанная система включала светские и церковные наказания, дополняла прежде существовавшие виды новыми – такими как лишение прав состояния или особых прав; вычет из времени службы; заключение в смиренный или работный дом.

Относительно всех видов наказаний, предусмотренных санкциями норм с составами деяний со специальным субъектом, следует отметить, что их процентное повидовое соотношение будет следующим²⁰: наказания имущественного характера – 55 %; особенные (служебные) наказания – 36; наказания, связанные с изоляцией от общества, – 16; телесные наказания – 7; лишение особых прав и прав состояния – 7; ссылка – 4; позорящие наказания – 2; каторжные работы – 1; смертная казнь – 1 % (рис. 2).

Доминирование денежных видов наказаний связано в том числе с большим числом норм, закрепляющих преступные нарушения положений различных уставов и постановлений незначительной общественной опасности.

¹⁷ См.: Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 36.

¹⁸ Остроумов С. С. Указ. соч. С. 38.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Поскольку среди уголовно-правовых санкций за указанные виды преступлений имеются альтернативные и кумулятивные, то сумма показателей не может равняться 100 %.

Рис. 2. Уголовные наказания за преступления со специальным субъектом по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Таким образом, наряду с другими уголовно-правовыми институтами, институт наказания по Уложению 1845 г. отражает противоречия между сохраняющимся феодальным укладом и развивающимся буржуазным строем: идеи дифференциации и индивидуализации наказания, его соразмерности общественной опасности преступления сосуществуют с устрашением и возмездием, сословным подходом к уголовной ответственности. Так, если формально нормы уголовного закона предусматривали повышенные меры наказания для лиц, совершивших преступные деяния в служебной, профессиональной или торговой сферах деятельности, то практика применения указанных норм свидетельствовала о фактическом привилегированном положении соответствующих субъектов.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ)

Каравая Ю. С., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права

E-mail: chimtarga2016@mail.ru

Тел.: 8-919-704-90-66

Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSPU)

Karavaeva Yu. S., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Legal Disciplines and Methods of Teaching Law Department

E-mail: chimtarga2016@mail.ru

Tel.: 8-919-704-90-66